

Мария Ватсон

Фридрих Шиллер. Его жизнь и литературная деятельность

Жизнь замечательных людей

Мария Ватсон

**Фридрих Шиллер. Его жизнь
и литературная деятельность**

«Public Domain»

Ватсон М. В.

Фридрих Шиллер. Его жизнь и литературная деятельность
/ М. В. Ватсон — «Public Domain», — (Жизнь
замечательных людей)

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад отдельной книгой в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют по сей день информационную и энергетико-психологическую ценность. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Глава I	6
Глава II	10
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Мария Ватсон Фридрих Шиллер. Его жизнь и литературная деятельность

*Биографический очерк М. В. Ватсон с портретом Шиллера,
гравированным в Лейпциге Геданом*

Глава I

Происхождение и рождение Шиллера. – Характеристика его родителей. – Первый учитель и первые друзья. – Ранние впечатления и черты характера. – Театр и латинская школа в Людвигсбурге. – Вынужденное поступление в военную академию. – Любимые авторы поэта; появление в печати первых его стихотворений. – Пробная диссертация: «Философия психологии». – Драма Шиллера «Разбойники». – Выпускная работа: «Связь животной стороны человеческой природы с духовной ее стороной».

Известно, что великие люди, эти князья в царстве искусств и наук, происходят по большей части от людей маленьких, из народа, с положением более чем скромным. Довольно обычное это явление повторяется и в генеалогии Шиллера. Предками его, как с отцовской, так и с материнской стороны, были простые сельские булочники.

С проторенной дорожки на самостоятельный путь первым выбился отец поэта, Иоганн Каспар Шиллер, благодаря своей энергии и настойчивости. Немало пришлось ему вынести в детстве после ранней смерти отца-булочника из села Биттенфельд, оставившего вдову и восемь человек детей при весьма скудных средствах: десятилетний мальчик должен был ходить на полевые работы. Но стойкий и честолюбивый ребенок, умевший уже тогда читать, писать и знавший немного латынь, не успокоился, пока не упросил мать отдать его в ученье к ближайшему цирюльнику и хирургу. Двадцати двух лет занял он должность лекаря в баварском гусарском полку и, побывав в походах, вернулся после заключения Ахенского мира (в 1748 году) на родину, где и поселился в городке Марбахе. Тут 25-летний юноша познакомился с 16-летней Елизаветой Доротеей Кодвейс, дочерью местного булочника и владельца гостиницы. Молодые люди понравились друг другу и поженились уже в следующем 1749 году. После восьми лет бездетного брака у них сперва родилась дочь, Кристофина, а два года спустя – в 1759 году, 10 ноября, в день рождения Лютера – и единственный сын их Фридрих, впоследствии прославивший фамилию Шиллер.

Родители поэта, не выделяясь чем-либо исключительным и необычным, были, однако, прекраснейшие люди: честные, добрые, не лишённые умственных и духовных интересов. Отец Шиллера, с виду человек крепко сложенный, невысокого роста, живой, деятельный и здоровый, отличался глубокою религиозностью, сознанием своего долга, любовью к порядку и твердостью характера. При всей его строгости и даже некотором педантизме в домашнем обиходе жена и дети, выражая ему глубочайшее почтение, вместе с тем искренне любили его до конца дней, а все знавшие его всегда относились к нему с величайшим уважением. Елизавета Доротея, женщина кроткая и примерно добрая, была образцовой дочерью, женой и матерью. Не блистая особенным образованием, она была, однако же, одарена чувством понимания природы и восприимчивостью ко всему великому и прекрасному. Наряду с Библией – искреннее религиозное чувство было ей присуще всю жизнь – она охотно перечитывала стихотворения Геллерта, Уца, интересовалась естественной историей и так далее, но самым любимым ее чтением были жизнеописания великих людей.

Подобно Канту, Шиллер внешне был вылитый портрет матери. Как и она, он обладал высоким ростом, был строен, имел светлые рыжеватые волосы, большой лоб и нежный взгляд голубых глаз. В первые годы своей жизни поэт был слабым, хилым ребенком, и ему пришлось перенести массу детских болезней. Но затем он окреп и пользовался хорошим здоровьем до 14 лет. Учиться начал с шести лет; первым его учителем был хороший ориенталист и составитель еврейского словаря Мозер, пастор в местечке Лорх, куда был переведен в 1765 году отец Шиллера, состоявший теперь, после разных мытарств и неудач, капитаном вюртембергской службы. Маленький Шиллер сильно привязался к первому своему учителю, пастору Мозеру. Насколько образ этого строгого, требовательного, но любимого им

педагога глубоко запечатлелся в душе поэта, видно уже из того обстоятельства, что достойному во всех отношениях духовному лицу, выведенному им в «Разбойниках», он дал имя Мозер.

В эту раннюю пору детства Шиллера ближайшими его друзьями, сохранившими к нему теплые отношения всю жизнь, были сын пастора Мозера Фердинанд и некто Конц, впоследствии известный филолог и поэт. Также и старшая сестра Шиллера, Кристофина, любимица родителей, лицом и характером походившая на брата; она была страстно ему предана, и он платил ей тем же. Уже в детском возрасте Шиллер выказывал позднейшую свою способность отдаваться друзьям всей душой. При этом он отличался замечательною совестью, добротой, правдивостью и страстью раздавать все, что у него было: книги, платья, даже постельные принадлежности, за что ему не раз доставалось от родителей.

Между тем отца Шиллера скоро перевели из Лорха в людвибургский гарнизон. В Людвибурге поэт поступил в местную «латинскую» школу, где преимущественно обучали латыни, а также началам греческого и еврейского языков. Школа эта считалась подготовительною ступенью для желавших посвятить себя изучению богословия. А маленький Шиллер выразил таковое желание еще в бытность свою в Лорхе, – отчасти, вероятно, вследствие восхищения пастором Мозером.

«Нередко, – рассказывает Кристофина, – малютка взбирался на стул, просил меня или мать облачить его вместо пасторской мантии в черный передник и затем начинал с самым серьезным видом говорить проповедь со своей воображаемой кафедры». В Людвибурге особенно сильное впечатление на мальчика произвел, по-видимому, театр. Отец его, как и все гарнизонные офицеры, имел даровой вход туда, и маленького Шиллера водили в театр в награду за хорошее учение. Дома мальчик устраивал из книг подобие сцены, вырезал бумажные фигуры, которые Кристофина раскрашивала, и заставлял этих кукол разыгрывать драматические сцены. Но эта игра ему скоро надоела, и тогда они с сестрой и с товарищами, соорудив сцену в саду, играли там комедии. Впрочем, сам Шиллер был плохой актер: он портил всякую взятую на себя роль чрезмерною страстностью и живостью.

Любимым товарищем Шиллера в Людвибургской латинской школе был Вильгельм фон Ховен. По свидетельству этого последнего, поэт представлял собой в ту пору живого, веселого, смелого, иногда даже своевольного мальчика, который был не прочь и подразнить товарищей, – только не зло, а добродушно.

Однако при переходе в старшие классы настроение духа Шиллера изменилось.

Он стал конфликтным, неловок, мечтателен, серьезен, любимыми темами его разговоров сделались жалобы на судьбу и на покрытую глубокой мглой будущность. Учился он хорошо, и в аттестациях своих учителя называли его «мальчиком, подающим надежды».

Примерно в это время герцог Вюртембергский, который провел молодость свою весьма бурно, только что остепенился, главным образом благодаря влиянию на него графини фон Гогенгейм, и стал увлекаться педагогикой.

В одном из своих летних дворцов он устроил учебное заведение, вскоре значительно расширенное, переименованное в «военную академию» и переведенное им в Штутгарт. Нежданно-негаданно, волею судеб попал туда и 14-летний Шиллер. Герцог осведомился о наиболее способных учениках в других школах – с тем, чтобы взять их себе. Таким образом ему указали и на Шиллера.

Карл Евгений предложил отцу мальчика воспитать Фридриха на казенный счет, – с тем, однако, чтобы он впоследствии оставался у него на службе. Предложенная милость равнялась приказанию: отец Шиллера был в полной зависимости от герцога, так как состоял у него на службе. Делать было нечего, и огорченным родителям пришлось расстаться с мечтой видеть сына пастором. Жизнь в академии вряд ли могла прийтись по вкусу будущему

поэту; тут все делалось по барабанному бою и по команде. По команде вставали, одевались, молились, слушали лекции, учились, ели и ложились спать.

Так шло круглый год, потому что в академии не полагалось каникул.

Но стены закрытого заведения скоро расширились, и замкнутая жизнь в них для юного воспитанника озарилась солнечным лучом; дремавшие в его душе зачатки поэзии проснулись: пестрый мир фантазии открылся для него. Несмотря на строжайшие запреты, в академию все-таки проникали извне сочинения выдающихся писателей; молодой Шиллер уходил в них всей душой. Сначала, по-видимому, на него имел значительное влияние Клопшток. Зачитываясь «Мессиадой», он возымел мысль избрать Моисея героем религиозного эпоса. Мрачный трагизм герстенберговского «Уголино» вызвал затем первую его драматическую попытку – трагедии «Христиане» и «Нассауский студент». Шиллер читал с особенною любовью Библию в переводе Лютера, а также Сервантеса, Лессинга, Гердера, Мендельсона, Оссиана и других.

Но выше всех ставил он Плутарха, который, по его словам, своими жизнеописаниями великих людей «возносит нас над нашим поколением и делает нас современниками более совершенных, сильных характеров». Также и Руссо, этот горячий, благородный и смелый мыслитель, был крайне симпатичен Шиллеру. «Отказаться от свободы – значит отказаться от принадлежности к человеческому роду; не быть свободным – равносильно отречению от человеческих прав и даже обязанностей»; эти и тому подобные изречения из «Contract social» («Общественного договора») стояли огненными буквами перед глазами Шиллера.

Вскоре он познакомился и с Шекспиром благодаря профессору Абелью. Последний имел обыкновение, читая лекции, иллюстрировать философские положения выдержками из поэтов. Так, однажды он объяснял слушателям столкновение страстей и с этою целью читал им соответственные места из «Отелло». Шиллер слушал затаив дыхание и, подойдя после лекции к профессору, упросил его дать ему Шекспира. Но увлечение великим английским драматургом, которого Шиллер, впрочем, оценил не сразу и только уже позже полюбил всей душой, не могло умалить его восхищения отечественными писателями. Драмы Клингера, Лейзевица и других продолжали производить на него сильное впечатление. Между прочим, прочитав трагедию Лейзевица «Юлиус фон Тарент», он так восторгался ею, что почти всю запомнил наизусть и стал писать трагедию «Козьма Медичи». Но и этот опыт был уничтожен им, и лишь несколько отдельных образов, мыслей и строф перенесены оттуда в «Разбойники».

Уже в академии личность Шиллера имела ту чарующую, притягательную силу, которая привлекала к нему стольких друзей. Так, например, знаменитый впоследствии скульптор Даннекер был здесь очень близок с Шиллером; Цумштег – музыкант и композитор – боготворил его и перекладывал его стихи на музыку. Два брата Вольцоген, Гауг, Шарфенштейн, Петерсен, фон Ховен были преданнейшими его друзьями. Трое последних составляли вместе с Шиллером тайное поэтическое общество и читали друг другу запретные в академии плоды своего поэтического вдохновения; они письменно критиковали друг друга и высказывали как похвалу, так и порицание, – конечно, чаще первое, чем второе. К числу близких друзей Шиллера в академии принадлежал также сын издателя «Deutsche Chronik» и известного поэта Шубарта. В то время как мальчик Шубарт, милостью герцога, воспитывался в академии, тот же герцог без суда и следствия, – вероятно, за непонравившиеся ему эпиграммы – заключил его отца в крепость Асперг, где несчастный протомился целых десять лет. Позже, в 1781 году, Шиллер, большой поклонник Шубарта, посетил его здесь, и заключенный поэт, в свою очередь, сильно восхищался автором «Разбойников».

Из профессоров академии Шиллер ближе всех сошелся с Абельем, этим «ангелоподобным» человеком, как выражались о нем воспитанники. Он читал им логику, психологию и метафизику. Другой профессор академии, Гауг, преподававший историю, немецкую

стилистику и искусства и писавший стихи, издавал литературный ежемесячный журнал «Schwäbisches Magazin». Здесь в 1776 году мы находим первое напечатанное стихотворение Шиллера – оду «Вечер». Это стихотворение, как и вообще первые опыты даже величайших поэтов, грешит подражательностью; но две строфы заслуживают все-таки внимания: во-первых, та, где проступает любовь юного поэта к свободе, и, во-вторых – та, где он просит Всевышнего осчастливить его не властью или богатством, а даром песен.

В 1777 году в том же журнале появилось другое стихотворение Шиллера – «Завоеватель». Остальные его лирические и драматические опыты той эпохи все затерялись.

Перенесение академии в Штутгарт не могло быть особенно приятным Шиллеру – уже из-за разлуки с родителями. Незадолго перед тем герцог назначил капитана Шиллера смотрителем обширных садов и новонасаженных плантаций вокруг дворца. Еще в Людвигсбурге Каспар Шиллер, скучая от ничегонеделания гарнизонной службы, занялся изучением ботаники, лесоводства и садоводства. Смотрителем дворца он оставался до своей смерти, последовавшей в 1799 году, и то, что он дело вел осмысленно, доказывает изданная им в 1795 году книга «Die Baumzucht im Grossen».

Когда в 1776 году в академии открылся новый факультет – медицинский, – Шиллер вместе с фон Ховеном, бросив юридический факультет, перешел на вновь открывшийся.

Последние два года своего пребывания в академии поэт очень приналег на свою специальность и, в надежде скорее закончить курс, представил пробную диссертацию. В академии существовал обычай, позволявший воспитанникам за год до выпуска, для выяснения их познаний, писать пробные диссертации, которые в благоприятном случае открывали бы им двери выхода из академии. Имея на то право, Шиллер сам избрал себе тему, озаглавив ее «Философия физиологии». Эта диссертация двадцатилетнего юноши, доказывавшая его блестящее духовное развитие, не была одобрена профессорами медицинского факультета, нашедшими сделанные выводы слишком запутанными и рискованными. Ввиду такого решения юноше пришлось пробыть еще год в академии. Это было для него тяжелым ударом. Настроение его делается теперь грустным, подавленным, жизнь становится ему в тягость, он доходит почти до отчаяния. Конечно, удивляться тут нечему, – именно даровитые натуры часто в юношеские годы подвержены унынию и временной потере жизнерадостности, – особенно при неблагоприятных внешних обстоятельствах.

В этот период Шиллер написал на смерть младшего фон Ховена элегию, озаглавленную «Над свежей моги лой», – одно из немногих юношеских произведений, которые автор включил потом в полное собрание своих сочинений. Тогдашнее настроение поэта излилось, впрочем, наиболее многосторонне и полно в другом его произведении – драме «Разбойники». Как только ему удавалось написать новую сцену, он тотчас же декламировал ее товарищам, восторгавшимся его произведением.

Между тем настало время выпуска из академии, и Шиллеру предстояло повторить неудавшуюся перед тем попытку, то есть написать новую диссертацию. Эта последняя – «Опыт о связи животной стороны человеческой природы с его духовной стороной» – была одобрена профессорами и даже удостоилась чести, выпадавшей на долю только лучших работ, быть напечатанной.

Таким образом, 14 декабря 1780 года поэт простился с учебным заведением, в котором провел восемь лет и откуда увез с собою диссертацию свою и второй, еще более блестящий документ развития своих духовных сил – драму «Разбойники».

При выпуске его назначили лекарем в гарнизонный гренадерский полк в Штутгарте, с жалованьем в 18 гульденов в месяц.

Глава II

Жизнь Шиллера в Штутгарте. – Луиза Фишер. – Появление «Разбойников» в печати. – Контакты со Шваном и Дальбергом. – Успех драмы на сцене в Мангейме. «Антология» и «Вюртембергский реперториум». – Арест Шиллера и решение спастись бегством. – Новая драма «Фиеско». – Приезд в Мангейм и разочарование. – Путешествие во Франкфурт и Оггерсгейм. – «Коварство и любовь» и переделка «Фиеско». – Отъезд в Бауернбах. – Знакомство с Рейнвальдом и несчастная любовь к Шарлотте фон Вольцоген. – Неожиданное предложение Дальберга. – Шиллер при театре в Мангейме. – Его болезнь. – Успех «Коварства и любви»

В Штутгарте Шиллер поселился вдвоем с академическим товарищем лейтенантом Капфом в небольшой комнате, снятой им у вдовы капитана Луизы Фишер. Тотчас же вокруг него собрались его друзья – Шарфенштейн, Петерсен, Ховен, Конц, а некоторое время спустя – молодой музыкант Штрейхер. Последний восхитился «Разбойниками», пожелал познакомиться с их автором и с тех пор сделался завсегдатаем у Шиллера и одним из наиболее преданных и близких его друзей. В маленькой, сильно накуренной комнате поэта почти всегда стоял шум, слышался громкий смех и голоса. Сам Шиллер не прочь был поиграть в карты или в кегли и охотно выпивал с друзьями бутылку-другую пива. Два или три раза ему случалось выпить больше чем следовало, и сейчас же скороспелая городская молва поспешила зачислить его в разряд кутил. Дружба его с хозяйкой, 30-летней, вовсе не обладавшей красотой блондинкой и матерью двоих детей, тоже подвергалась немалым толкам и пересудам. Некоторые биографы полагают, что пламенные оды к Лауре, помещенные Шиллером в его «Антологии» в 1782 году, вызваны действительно чувством его именно к Луизе Фишер. Разбираться в этом вопросе теперь, через сто лет, не имея на то фактических данных, конечно, несколько трудно.

В то самое время как внешний образ жизни полкового врача давал столько пищи разнообразным слухам и сплетням, внутреннее его развитие и поэтическая деятельность продолжали быстро идти вперед. По выходе из академии поэт первым делом занялся окончательной обработкой «Разбойников» и решил напечатать их. Но где и как? Ни в Штутгарте, ни в Мангейме не нашлось издателя, который согласился бы за свой счет напечатать эту первую пробу пера начинающего писателя. Шиллеру оставалось одно: издать драму на собственные средства. С этой целью он занял под поручительство одного приятеля нужную сумму, и таким образом «Разбойники» увидели наконец свет Божий летом 1781 года. Появление драмы сделалось настоящим «литературным событием». Весь город всполошился; молодежь была в восторге, словно наэлектризована, а сторонники тогдашних порядков, предрассудков и понятий выходили из себя от негодования и страха. Так, по словам Гёте, одно очень высокопоставленное лицо сказало ему в Карлсбаде: «Если бы я был Богом, только что собравшимся сотворить мир, и предвидел, что в нем появятся „Разбойники“ Шиллера, я передумал бы, и мир не был бы сотворен». Трудно даже поверить теперь, до какой степени драма Шиллера проникла тогда во все слои общества. В Баварии, например, мальчики составили шайку разбойников, которая потому только не осуществилась, что один из малолетних Карлов Моров, прежде чем отправиться в Богемские леса, нашел нужным проститься с матерью.

Целый поток повестей и романов на мотивы разбойничьих походов запрудил книжный рынок. И критика тоже взволновалась: с одной стороны, разносили в пух и прах автора «Разбойников», с другой – видели в нем чуть ли не немецкого Шекспира и осыпали его похвалами.

В течение четырех лет, с 18 до 21 года, писал Шиллер своих «Разбойников». Он работал по большей части ночью, потому что в академии нельзя было иначе. «Склонность к поэ-

зии оскорбляла законы заведения, в котором я воспитывался, и противоречила планам его учредителя», – жалуется Шиллер, извещая о выходе своей «Thalia». Эти ночные занятия в академии вошли затем в привычку у Шиллера, и он потом уже всю свою жизнь предпочитал работать ночью.

Сюжет «Разбойников» навеян Шиллеру рассказом Шубарта, заключающим в себе историю двух враждебно настроенных братьев и напечатанным в «Швабском магазине» за 1785 год под названием «К истории человеческого сердца».

Несмотря на все промахи, преувеличения и ошибки, на взвинченность и неумелость, первый этот юношеский опыт Шиллера пользовался, да еще и теперь продолжает пользоваться, значительной популярностью. Великая тайна волновать сердца читателей и зрителей заключается в том, по словам Карлейля, чтобы сам автор был страстно увлечен и взволнован, когда писал свое произведение. Непосредственное, сильное впечатление, производимое пьесой, исходит из прикосновения к глубоко лежащим струнам человеческой души, к возвышенным порывам юности. Драма основана на самых естественных и самых древних нравственных противоречиях. Правда, поэт выражает эти чувства очень шумно и не зная границ, но пафос его не грешит пустой риторичностью, это настоящий трагический пафос, достигающий высшей точки, например, там, где страсть увлекает Карла Мора. По теме можно бы, пожалуй, драму Шиллера сравнить с «Королем Лиром», где, как и в «Разбойниках», есть убийство отца и брата. И тут, и там, собственно, мир внутренней нравственной сумятицы и неурядицы: брат идет против брата, сын – против отца, отец – против своего детища; и именно отвергнутое им детище является спасителем отца. Не только семейные отношения ослаблены в «Разбойниках»: тут все чисто человеческие отношения в глубине потрясены и разрушены.

Шиллер – мастер драматической композиции. Первая сцена в «Разбойниках» превосходна. Тут поэт сумел ярко изложить глубокое горе старика отца и гнусное намерение Франца Мора. Мы сразу видим все семейство, все их отношения и внутреннюю обстановку. Подложными письмами и лживыми известиями Франц Мор восстанавливает старика отца против Карла. Признанный таким путем наследником, он подкупает одного негодяя принести известие о смерти Карла. Отец не выдерживает наплыва горя и теряет сознание; его уносят, считая мертвым. Амалия, невеста Карла, не поддается, однако, ни уверениям в любви, ни насилию Франца, ставшего со смертью отца владельцем и графом. Между тем старший брат, Карл, ведет в кружке буйных молодых товарищей разгульную жизнь, зачитываясь при этом Плутархом, герои которого переполняют его душу презрением к мелочному «чернильному» веку. Карл жаждет великого дела, подвигов.

В это время ему приносят письмо от Франца, ложно извещающего его, что отец за его бурную жизнь отрекся от него, проклял и отказывается считать его сыном.

Товарищи уговаривают его отправиться с ними в Богемские леса, чтобы собрать там шайку разбойников и среди грабежа и кровопролития отомстить людям. Карл соглашается быть их атаманом, и намерение приводится в исполнение. Но и тут Карл хранит благородство и великодушие. Он обирает богатых, но помогает бедным и сиротам. Его стремление – людское счастье; недостижимый идеал совершенства преследует его везде. Наконец любовь к Амалии влечет Карла в отцовский замок; но Франц, узнавший переряженного Карла, велит убить его. Однако опасность устраняется благодаря верности старого слуги. Ночью среди спящих в лесу разбойников Карл случайно наталкивается на ужасающее преступление и открывает страшную тайну. Старик Мор жив и заключен в башню замка. Обморок его был принят за смерть. Положенный в гроб, старик проснулся, когда в комнате был один Франц. увидев это, последний велел Герману отвести старика в башню и уморить его там голодом. Чувствуя жалость к несчастному, Герман, тайно от своего господина, приносит пищу старому графу. Зажженный разбойниками замок пылает. Франц кончает самоубийством. Но,

узнав, что любимый сын его – атаман разбойников, старик отец, пораженный ужасом, на этот раз действительно умирает. Краткие мечты влюбленного в Амалию Карла исчезают перед требованием товарищей, напоминающих ему данную клятву. В отчаянии Амалия молит о смерти, и сам Карл убивает ее, «так как возлюбленная Мора должна умереть только от руки Мора». После того он отказывается от звания атамана и решает отдать себя в руки правосудия. Вспомнив о бедном крестьянине с огромной семьей из одиннадцати человек детей, которому вознаграждение, обещанное за поимку Карла Мора, может доставить обеспечение на всю жизнь, он идет к нему.

Герой драмы Карл Мор прекрасно удался Шиллеру. Это характер вполне прочувствованный автором, жизненный, правдивый, сильный, благородный, украшенный лучшими дарами души и тела. Основная черта его природы – стремление к свободе, ненависть ко всякой неправде и лицемерию. Но наряду с этим у него много черт нежных, трогательных и много душевной твердости. При его страстном темпераменте, при натуре, устремленной к великому, недостижимому, становится понятным, как он мог вступить на фантастический путь преступления. Но тут-то Карл и делается настоящим трагическим героем, так как он вступает в конфликт не только с обществом, но и с самим собой. Он отчаивается в своих поступках, он чувствует всю тяжесть гнетущего сознания своей вины и только в заключительной сцене, переполненной быстро меняющимися и ярко друг другу противопоставленными чувствами, достигает высшей точки внутреннего очищения и просветления.

Трагедия, переполненная всякими ужасами, не могла быть завершена более торжественным и трогательным концом, чем придуманный Шиллером. Умно избежал поэт картины виселицы и казни. Намерения этой заключительной сцены настолько велики и значительны, что, быть может, художественные силы поэта еще не вполне соответствовали им и, быть может, слишком абстрактно и теоретично, больше из уст поэта, чем самого героя, слышатся нам сознание его вины, его угрызания совести. Как бы то ни было, Карл Мор не умирает геройской смертью в битве или, как разбойник, на виселице, а как последователь юношеских философских статей Шиллера жертвует жизнью своею обществу. Исполняя дело человеколюбия и утешившись перед казнью счастьем ближнего, идет он навстречу смерти со словами: «Тысяча луйдоров! Для бедняка это будет недурная помощь...»

Франц Мор, этот «холодный пресмыкающийся гад», уже не столь живой характер, как Карл. Он видит, что все предпочитают ему брата, в нем просыпается зависть и ненависть, его заедает властолюбие и желание сделаться господином. Старик Мор является почти везде пассивной натурой и слабым отцом, но, несмотря на это, он благороден и добр.

Характеры некоторых разбойников заимствованы Шиллером прямо из жизни.

«Разбойники» Шиллера переведены на многие языки. На французском имеются переводы Баранта, Мармье, Ренье и других. Из английских переводов упомянем о переводе Томсона.

Только что отпечатанные листы своей драмы Шиллер послал Швану, книгопродавцу в Мангейме, пользовавшемуся в то время известностью ценителя поэтических, особенно же драматических произведений. Шван тотчас же отправился с пьесой к Дальбергу, директору Мангеймского театра. Последний не замедлил связаться с поэтом и посоветовал ему переделать драму для сцены. Это письмо Дальберга было весьма значительным событием в жизни Шиллера, – оно дало ей решающий поворот. 13 января 1782 года в Мангейме состоялось первое представление «Разбойников». Без отпуски, тайком, выбрался Шиллер из Штутгарта и присутствовал на премьере своего произведения. Играли прекраснейшие актеры: Иффланд, Бейль, Бок: успех пьесы был колоссальный. Вздволнованные зрители выражали свой восторг нескончаемыми бурными аплодисментами. Веселый и счастливый вернулся поэт домой. Но он не почил здесь на лаврах. На нем самом оправдалась истина его же слов: «Чем более высокую цель ставит себе человек, тем выше растет он и сам с нею». Шиллер

работает теперь еще деятельнее, чем в предыдущем году. Он издает «Антологию» – сборник лирических стихотворений, пишет ряд статей в «Вюртембергском реперториуме» и принимается за новую драму – «Фиеско». Элегия поэта на смерть приятеля, молодого врача Векерлина, перепечатанная им затем в числе других восьмидесяти трех лирических стихотворений в «Антологии», вышла в свет, изданная за счет товарищей поэта, сложившихся с этою целью. Смелость мысли и выражения упомянутого стихотворения сделала поэту в Штутгарте отчаянную репутацию. Он сам так пишет об этом Ховену: «Элегия моя доставила мне сразу более громкую известность, чем могла бы сделать двадцатилетняя врачебная практика. Но известность эта – да помилует меня Господь – равняется известности Герострата, сжегшего храм в Эфесе».

Журнал «Вюртембергский репертуар литературы», душу которого составлял Шиллер, был основан им в сообществе с Петерсенем и Абелем и имел целью заменить собою прекратившийся в 1780 году «Schwäbisches Magazin» Гауга. Но журнальная деятельность поэта продолжалась на этот раз очень недолго, как и сам журнал, в котором он писал. Последний прекратил существование уже на третьем выпуске, в январе 1783 года.

«Антологию» Шиллер издал опять-таки на собственный счет и должен был для этого, по словам Гауга, сделать заем в 600 гульденов, который не раз потом давал себя тяжело чувствовать поэту.

Лирика Шиллера в «Антологии» тоже наполнена большею частью духом внутренней неудовлетворенности, протеста против ограничений жизни, против неурядиц общественного строя. Здесь, как и в философии своей, наш поэт на наиболее выдающееся место ставит любовь, с которой он связывает всякие мировые вопросы. Лирика Шиллера заключает в себе то, что принято называть «идейной» поэзией. Вдохновляющей ее мыслью является сознание, что истинное счастье – элемент, присущий самой личности и не зависит от внешнего мира, ничтожество которого, а также ничтожество земного счастья, чувствуется поэтом очень сильно.

Приводим прекрасные строки из стихотворения «На смерть Руссо», которыми юный Шиллер почтил память столь любимого им французского писателя:

Монумент, возникший злым укором,
Нашим дням и Франции позором,
Гроб Руссо, склоняюсь пред тобой!
Мир тебе, мудрец, уже безгласный!
Мира в жизни ты искал напрасно:
Мир нашел ты, но в земле сырой.

Язвы мира век не заживали:
Встарь был мрак – и мудрых убивали,
Нынче свет, а меньше ль палачей?
Пал Сократ от рук невежд суровых,
Пал Руссо, – но от рабов Христовых,
За порыв создать из них людей.

(Перевод Л. Мея)

По обилию, богатству мысли и чувства, по могучему, свежему, хотя и необузданному еще таланту Шиллер является в «Антологии» таким же многообещающим лириком, как в «Разбойниках» он явился многообещающим драматическим писателем. Шубарт восхитился этими стихотворениями Шиллера и, излив свой восторг в оде, посвященной поэту, писал из крепости жене: «Шиллер – велик, я горячо его люблю, поклонись ему от меня».

Однако лирика отступает теперь у Шиллера временно на второй план. Успех «Разбойников» всюду, где давали пьесу: в Лейпциге, Гамбурге, Берлине и других местах, – и мнение знатоков убедили поэта в том, что истинное назначение его – драматическая поэзия. Он стал искать новый подходящий сюжет и после долгих колебаний остановился, наконец, на «Заговоре Фиеско в Генуе». Еще в академии личность Фиеско возбудила интерес в Шиллере вследствие беглого замечания Руссо, что один из сильных характеров, заслуживающих особого внимания, – Фиеско. «Фиеско» – первая историческая трагедия Шиллера. С тех пор он, за исключением «Коварства и любви» и «Мессинской невесты», придерживался почти исключительно исторических тем. С молодых уже лет знаменитый немецкий поэт чувствовал особенное влечение к истории. Любимыми сюжетами его являются времена переворотов, революций и тому подобного. Недаром Саллюстий, автор «Заговора Каталины», принадлежал в молодости к любимым писателям Шиллера. На драму поэт наш смотрел как на средство не только нравственного, но и политического воспитания общества. Философ-идеалист, он в творчестве своем руководствовался тремя главными идеями: человеческою свободой, достоинством и правом. В силу такого взгляда он выбирал для своих произведений те моменты истории, в которых видел торжество своих идей.

В «Фиеско», как и в других драмах Шиллера, поражает нас его умение справляться с сюжетом, его живое изображение и расположение сцен, в которых появляются выведенные им лица. Политические и личные отношения генуэзского дворянства, их разлад, вражда, интриги, разнородные интересы, занимающие их, – все это ярко проходит перед нашими глазами. Мы легко понимаем и легко можем вникнуть во все запутанные пружины заговора. Точно действительно идет мимо нас многосторонний, величественный ход событий, ведущий к катастрофе. Последняя разворачивается с особенным эффектом. Краткими, но живописно начертанными штрихами встает перед умственным нашим взором Генуя, погруженная в сон и в полночную тишину, прерываемую только далекими окликающими часовых, будто подавленным шумом и ропотом моря или же осторожными шагами и измененным голосом Фиеско. Нам так и кажется, что уединение и глубокая тишина Генуи обдаёт и нас и что мы напряженно ждем сигнала, долженствующего так страшно нарушить этот сон и тишину. Наконец раздаётся ружейный выстрел, и следующие затем суматоха и дикое смятение не менее прекрасно переданы поэтом. Возгласы ужаса и изумления, насилие, пальба пушек, удары в набат, радостные крики собравшейся многотысячной толпы, «голос Генуи, говорящий с Фиеско», – все это передано ярко и сильно. Характеры пьесы тоже, в общем, задуманы и проведены с поразительной энергией и умением.

Поэтическая деятельность Шиллера не могла, конечно, нравиться герцогу Карлу Евгению; смелый, необузданный полет юношеских стихотворений Шиллера, вроде «Дурных монархов», «На смерть Руссо», драма его «Разбойники» – все это не должно было прийти по вкусу герцогу. Он потребовал к себе полкового лекаря и предложил ему – все что он впредь ни напишет присылать ему до напечатания на просмотр. Шиллер мужественно отказался. Дурное к нему расположение герцога не замедлило проявиться при первом же случае. Поэт вторично отлучился тайком в Мангейм на представление «Разбойников». На этот раз он сопровождал туда двух приятельниц, Луизу Фишер и Генриетту фон Вольцоген. Последняя была матерью братьев Вольцогенов, академических товарищей Шиллера. Поэт дружески сошелся с нею и оставался в наилучших отношениях до самой ее смерти в августе 1788 года. Дамы, как водится, не сумели сохранить тайны, – они проболтались, и слух о недозволенной отлучке дошел до герцога. Тотчас же велел он провинившегося лекаря посадить на две недели под арест. Тут поэт рассудил, что для спасения от могущей обрушиться на него в будущем весьма печальной участи, подобной той, например, которая выпала на долю Шубарта, один только выход – бегство. Такие опасения имели тем большую вероятность, что герцог, снова выведенный из себя попавшимся ему на глаза газетным доносом на

Шиллера, опять вытребовал последнего к себе и огорошил его окриком: «Приказываю вам впредь не печатать никаких других сочинений, кроме медицинских. Поняли вы меня? Под страхом кассации и заключения в крепость вы отныне не будете больше писать комедий!» Понятно, что Шиллер не хотел дать себя задавить уже готовившейся обрушиться на него лавине. Он решил первым делом закончить быстрее «Фиеско» и с этой целью приналег на драму, работа над которой стала стремительными темпами подвигаться вперед. Еще и теперь поэт надеялся, через Дальберга, убедить герцога отпустить его добровольно в Мангейм, где он мечтал занять при театре должность драматического поэта. Однако время шло, а Дальберг ничего не делал; тогда, потеряв всякое терпение и не будучи в состоянии дольше выносить тяжелое свое положение, Шиллер решил отвоевать себе свободу единственным оставшимся еще у него путем – бегством. Прежде всего, он открылся преданнейшему из своих друзей – Штрейхеру, затем – сестре Кристофине. И тот, и другая одобрили его план. Штрейхер не только предложил помощь ему в приготовлениях к бегству, но и захотел сопровождать друга. Улучив благоприятный момент – суету, вызванную посещением Штутгартского двора русским великим князем Павлом Петровичем с супругой, племянницей Вюртембергского герцога, – Шиллер съездил в Солитуду, простился здесь с матерью и под чужим именем, – доктор Риттер – покинул поздним вечером город, где теперь на площади красуется прекрасная колоссальная его статуя. Но в Мангейме бедного скитальца ожидали прежде всего тяжелые разочарования. Его радужные надежды и иллюзии далеко не оправдались здесь. Пьеса его «Фиеско» не понравилась Дальбергу и не была им принята.

Пробыв в Мангейме неделю и все еще опасаясь преследований со стороны герцога, Шиллер и Штрейхер решили на время удалиться во Франкфурт и Оггерсгейм. Ввиду крайне стесненного денежного положения друзья отправились туда пешком. Во Франкфурте Шиллер задумал новую драму – «Коварство и любовь». Он продолжал работать над нею и в Оггерсгейме. Здесь он также вторично переделал для сцены «Фиеско». Но и в таком виде Дальберг отказался принять пьесу. Ввиду вполне иссякших финансов было теперь решено, что друзья расстанутся, что Шиллер примет предложение Генриетты фон Вольцоген и временно переедет в ее имение Бауэрнбах. Так и поступили, и поэт прожил в Бауэрнбахе целых восемь месяцев, почти в полном уединении. Единственным его приятелем был здесь библиотекарь близлежащего городка Мейнингена, Рейнвальд, к которому г-жа фон Вольцоген дала ему рекомендательное письмо и который снабжал его книгами. Через три года после этого Рейнвальд женился на любимой сестре поэта, Кристофине. Он был старше ее на двадцать лет и прожил с ней до 1815 года, когда умер. Кристофина же достигла почти 90-летнего возраста и умерла только в 1847 году.

В Бауэрнбахе Шиллер окончил «Коварство и любовь».

В изложении своих драм Шиллер почти везде тонкий мастер; это мы видели и в «Разбойниках», и снова видим в «Коварстве и любви». Первая сцена вполне и естественно переносит нас в самое средоточие действия. Как живые, стоят перед нашими глазами родители героини драмы – Луизы: ее честный, правдивый, несколько грубый отец и тщеславная, слабая мать. Что любовь Луизы и Фердинанда, о которой идет речь, закончится плохо – мы это предчувствуем с первых же слов. Тотчас же является на сцене и первый представитель коварства в образе городского секретаря Вурма, желающего жениться на Луизе. Но последняя любит Фердинанда, сына старшего президента при маленьком немецком дворе. Чтобы сохранить свое положение, приобретенное им преступными средствами, президент решил, что сын его Фердинанд женится на любовнице владетельного герцога, леди Мильфорд. Это англичанка весьма знатного происхождения. Несмотря на свое некрасивое положение, она одарена всякими добродетелями. К тому же она почувствовала чистую и сильную любовь к Фердинанду. Но все дело расстраивается благодаря страстной и честной любви Фердинанда к Луизе, дочери старого городского музыканта Миллера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.